

О. Е. Рубинчик, *Анна Ахматова и ее время : Избранные работы*, Москва, *Азбуковник*, 2018, — 656 с., 47 ил., ISBN 978-5-91172-172-5.

О. Е. Рубинчик, *Анна Ахматова и ее время : Избранные работы*, Москва, *Азбуковник*, 2018, — 656 с., 47 ил., ISBN 978-5-91172-172-5.

Polina Poberezkina

Docteur ès lettres, chercheuse indépendante ukrainienne, auteur et éditeur scientifique des ouvrages consacrés à la poésie russe du XXe siècle, notamment à Anna Ahmatova et à Nikolaj Kljuev

От Ольги Рубинчик — автора монографии об изобразительном искусстве в творчестве Анны Ахматовой [Рубинчик, 2010] и вступительной статьи к альбому ее портретов [Копылов, 2004] — ждешь художественной оригинальности. И все же том ее избранных работ выделяется среди книг « ахматовского проекта » издательского центра *Азбуковник* и, в целом, ахматоведческой литературы последних лет. На светлом, почти белом, фоне обложки со скупыми пятнами акварели — абрис черной тушью : иллюстрация С. Ботиева к циклу *Библейские стихи*. « В некоторых женских персонажах его рисунков есть легкое сходство с Ахматовой : оно не прописано, а намечено » [314¹]. Рубинчик цитирует воспоминания художника А. Кузьминского : « Анна Андреевна однажды сказала, что ей надоели во всех изданиях одни и те же ее портреты (Альтман, Анненков и т. д.). Нет ли новых, молодых дарований? » [202], — и показывает читателю не только прижизненные отражения от А. Модильяни до Г. Гинзбурга-Воскова, но и взгляд из нашего времени.

1 Здесь и далее в скобках указаны страницы рецензируемой книги.

В книге две цветные вклейки, сорок семь иллюстраций, в том числе портреты Ахматовой и фотографии ее современников. Две трети — из частных собраний. Графические материалы трудно назвать оформлением, поскольку они являются объектом исследования и частью сюжета. Восприятию поэта « профессиональными художниками и художниками-любителями » посвящен третий раздел *Анна Ахматова глазами современников*, включающий обзорную статью о прижизненной иконографии, историю портрета О. Мандельштама и трех силуэтов Ахматовой, выполненных С. Рудаковым в Воронеже, публикацию кратких воспоминаний Л. Эйдуз о встрече в Ташкенте, подробный рассказ о Н. Варбанец и вступительную статью к изданию *Библейских стихов* с иллюстрациями Ботиева. Глава *Das Ewig-Weibliche в советском аду* делится на две части : комментированную расшифровку устных рассказов М. Козыревой и анализ безымянной акварели Варбанец, созданной около 1950 года и символически отразившей участников ее жизни того времени, в том числе Ахматову. Варбанец занималась инкунабулами в Отделе редкой книги Публичной библиотеки ; ее непрофессиональная художественная работа вызывает ассоциации и со старинной книжной миниатюрой, и с Д. Г. Россетти, и с картинами С. Боттичелли, но более всего — с *Божественной комедией* Данте и иллюстрациями к ней. Публикуются фрагменты выступления Козыревой в музее в 1999 и ее бесед с автором рецензируемой книги в 1995 и 2003 годах. *Oral history* — одна из сильных сторон Рубинчик, за время работы в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме подготовившей ряд интервью с младшими современниками поэта². При этом в изложении исследовательницы ее собеседники предстают не « информантами », а героями собственных историй, как « с двумя замечательными женщинами, двумя редакторами и переводчицами издательства “Художественная литература” — Юлией Марковной Живовой (1925-2010) и Никой Николаевной Глен (1928-2005) » [480], которым посвящены отдельные главы. А устные мемуары Козыревой подкреплены документами : личными делами Варбанец, В. Люблинского, Л. Гордона в Архиве Российской национальной библиотеки и письмом Варбанец Льву Гумилеву в лагерь от 29 сентября 1955 года. Устные и письменные исторические источники, введенные в научный оборот Рубинчик десять-

2 См., например, издания музея : Томашевская, 2000 ; Рубинчик, 2001.

пятнадцать лет назад, не утратили — и, думаем, не утратят — своей ценности. Однако комментарий, как известно, тоже историчен и потому нуждается в постоянном обновлении. В кратком предисловии указано, что « в основном статьи предстают в том виде, в каком они были написаны и изданы, так что в давних текстах оказываются не учтены новые исследования » [5]. Разумеется, это право автора, приводящее, тем не менее, к потерям для читателя. Так, например, рассказ о трагической судьбе М. Тумповской [255-268] можно дополнить ссылкой на публикацию ее стихов и писем [Тименчик, 2017 : 447-465]³.

Тема поэзии и живописи исследуется и во втором разделе книги, посвященном « вопросам ахматовской поэтики » : в главе « Литературные, музыкальные и изобразительные аллюзии в стихотворении А. Ахматовой “Вечерний звон у стен монастыря...” ». Помимо очевидных аллюзий на хрестоматийный *Вечерний звон* И. Козлова и вероятных — на *Закатный звон в поле* И. Анненского и *Звон отдаленный, пасхальный...* В. Брюсова, Рубинчик находит внелитературный источник ахматовского произведения 1914 года в картине И. Левитана *Вечерний звон*. Не исключая данную возможность, считаем несколько категоричным авторский вывод :

Несмотря на отсутствие точных сведений, безусловным подтверждением того, что Ахматова писала стихотворение, помня о « Вечернем звоне » Левитана, является сходство этих произведений. Стихотворение — редкий у Ахматовой случай явного экфрасиса. [63]

Визуальным источником текста, на наш взгляд, мог послужить и реальный ландшафт, попавший ранее в ее киевские стихи: « Как только сегодня багровый закат / Над крестами лаврскими плачет... » (*Пришли и сказали: « Умер твой брат! »...*, 1910). Это вид на город с левого берега Днепра, из Дарницы, где Ахматова гостила у матери в июне 1914. « Колокольни лаврские » звонили в стихотворении 1912 года *Стал мне реже сниться, слава Богу...* ; позже появился мотив звона, летящего « за Днепр широкий »⁴.

3 Впервые : Тименчик, 2010, 183-196.

4 См. в статье Романа Тименчика *Храм премудрости Бога : стихотворение « Широко распахнуты ворота... »* [Тименчик, 2017 : 708-709], на которую ссылается Рубинчик.

Анализ литературных отношений с предшественниками продолжен в главе об Ахматовой и К. Бальмонте. По обоснованному мнению исследовательницы, их диалог развивался от внимания к стихам старшего поэта до « цехового » противостояния, и, подчеркивая « нелепость » возведения « творческой генеалогии Ахматовой к Бальмонту » [164], Рубинчик отмечает точки их сближения в ореоле других контекстов : например, сквозную тему луны. Одним из таких « гнезд » стала русская поэтическая безглагольность от фетовского *Это утро, радость эта...* до ахматовского *Про стихи Нарбута* через *К луне* Бальмонта и *Определение поэзии* Пастернака⁵. С Бальмонтом связана и историко-литературная загадка : сборник *Сирена* с его « стихотворением о луне », упомянутый в разговоре с Л. Чуковской 1 июня 1940 года [Чуковская, 1997, 1 : 130]. Справедливо указывая, что, в отличие от Ахматовой, поместившей в *Сирене* два стихотворения, Бальмонт в воронежском журнале не печатался (хотя В. Нарбут, по-видимому, хотел его пригласить), Рубинчик предлагает на эту роль *Невский альманах. Жертвам войны : Писатели и художники 1915 года* [155-156]. Добавим, что имена Ахматовой и Бальмонта все же встретились в *Сирене* в неподписанной (редакторской ?) библиографической заметке о сборнике *Скрижаль* :

Кроме прекрасных стихов Анны Ахматовой и Александра Блока, искусно сделанного « Венка сонетов » В. Брюсова и слабых, как и все его последние произведения, вещей К. Бальмонта, в сборнике помещен великолепно-мудрый рассказ И. Бунина « Конец » и повесть М. Горького « Все то же ». [Скрижали <sic>, 1918 : 70]

В главе о Польше Ахматовой, помимо общего обзора темы, скрупулезно исследована история создания *Утешения* 1914 года [77-86]. Опровергнув устоявшееся мнение о Н. Гумилеве как адресате стихотворения, Рубинчик убедительно доказывает, что оно посвящено М. Лозинскому, причем важно здесь не только установление конкретного факта, но и анализ поэтической логики. Заметим лишь, что *Заре* А. ди Кентала [68] Ахматова, не знавшая португальского языка, перевела по заказу Г. Лозинского — брата Михаила [Тименчик, 2014-2015, 2 : 132-133].

5 Заметим, что если стихотворение А. Фета строится как « сужение поля зрения и интериоризация изображаемого мира » [Гаспаров, 1997 : 22], то у Ахматовой направление противоположно : от человека (*бессонницы*) через пространство комнаты (*свечи*) к внешним звукам (*звонниц [...] удар*) и от границы дома (*подоконник*) к миру за окном (*луна, пчелы, донник*).

Будучи высокопрофессиональным ахматоведом, Рубинчик не цитирует тексты по изобилующему ошибками шеститомнику. Многократно говорилось, что текстология является одной из наибольших проблем данного сегмента, и пока не будет подготовлено академическое собрание сочинений, исследователи творчества Ахматовой вынуждены сверять ее произведения (особенно увидевшие свет в подцензурной печати) по разным источникам, периодически становясь жертвами чужих ошибок прочтения и корректируя свои выводы. В рецензируемой книге в целом выдержан такой подход, но, к сожалению, не везде. Непонятно, почему Рубинчик не ссылается на научное издание *Поэмы без Героя*, следствием чего явилось утверждение (с опорой на двухтомник, подготовленный М. Кралиным) «существовали — как вариант — строки :

А во сне мне казалось, что это
Я пишу для Артура либретто,

И отбоя от музыки нет.

Но Ахматова спрятала имя: «Я пишу для кого-то либретто...» ». [399]

Во всех редакциях *Поэмы* этот стих известен в вариантах « Я пишу для кого-то либретто » и — с 1959 года — « Я пишу для xxx либретто ».

Строка с заменой нейтрального « кого-то » на зашифрованное тремя « крестиками » имя из трех слогов появилась впервые в указанный период и раньше в « Поэме без Героя » не встречалась (отсутствует в рукописях, а также списках « Поэмы » 1942-1958 годов). Возможно, появилась после того, как летом 1959 года Ахматовой были привезены ноты — музыка Артура Лурье к ее стихам [Ахматова, 2009 : 382].

Я пишу для кого-то либретто — подразумевается Артур Лурье.
[Ахматова, 2009 : 926]

Одной из наиболее интересных в разделе *Современники Анны Ахматовой* (куда, помимо упомянутых глав о Лурье, Глен, Живовой, вошли две статьи об Анненском и архивно-биографическая — о Л. Большинцовой) является публикация переписки Н. Мандельштам с Л. Гинзбург 1960-х годов. Рубинчик подготовила к печати черновики писем Гинзбург из ее личного фонда в Отделе рукописей РНБ и заново выверила по

оригиналам, хранящимся в указанном фонде, письма Мандельштам [411]. Исследовательница не ограничивается историко-литературным комментарием к эпистолярным текстам, но разворачивает перед читателем полотно полемики корреспонденток о подходах к лирике. Лейтмотивом писем Мандельштам кажется настойчивый и очень личный поиск «ключа» к поэзии, в то время как наследница формального метода Гинзбург остается в рамках академической науки. Спор о границах субъективного завершился полным расхождением после появления *Второй книги*.

Объясняя в предисловии заглавие книги и вспоминая метафору *Меня, как реку, суровая эпоха повернула*, Рубинчик пишет :

Точнее все же обозначить время ахматовской жизни не как эпоху, а как несколько эпох. Первая из них — та, берега которой были для Ахматовой родными и которую принято, не без оговорок, называть Серебряным веком. [5]

Анализу данного термина в историческом контексте и современных исследованиях посвящен первый раздел *Время Анны Ахматовой*, причем автор книги находит ранний случай употребления словосочетания в публикации С. Горного (псевдоним А.-М. Оцуа) на смерть Анненского. Рубинчик полагает более точным говорить о Серебряном веке не русской поэзии, а русской культуры, понимая его как « метафорическое обозначение эпохи русского модернизма » [47]. Его границы она очерчивает от 1890-х годов до первых лет после революции 1917.

« Эпоха сталинских репрессий, которой отведен последний раздел сборника — “Реквием”, — это тоже время Ахматовой. В этот раздел включены статьи о тех, кто был представлен в 2000 г. на выставке “Реквием” в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме » [6]. По материалам устных рассказов и семейных архивов читатели узнают истории узников Абезьского лагеря (искусствоведов Н. Пунина и В. Василенко, философа Л. Карсавина, литературоведа и театроведа Ю. Герасимова), репрессированных ленинградских востоковедов — учеников академика В. Алексеева (Ю. Щуцкого, Б. Васильева, Н. Невского, А. Штукина, Н. Мельникова, В. Штейна и В. Вельгуса), литератора Я. А. Семенова и его сына Я. Я. Семенова, а также актрисы и прозаика Т. Петкевич. И,

наверное, именно этот раздел заставляет задуматься, как за двадцать лет (в книге собраны статьи, публиковавшиеся с 1997 по 2017 год) изменились не только академическое ахматоведение, но и читательская среда. Одно изменение, глобальное, вызвано технической революцией и вынуждает пересмотреть функции комментария в эпоху интернета в смартфоне и Википедии. Другое — локально и связано с реинтерпретацией советского прошлого в России. Рубинчик остается верна ахматовским принципам — *Хотелось бы всех поименно назвать* [511] и *Я всех оплакала* [139] — и при этом, говоря о то ли уничтоженном, то ли недоступном деле, заведенном НКВД на Ахматову, помнит, что его материалы, « возможно, освободили бы от подозрений целый ряд людей » из окружения поэта [305]. Труднее согласиться с компромиссным предложением : « А называть в печати имена подлинных доносчиков — не обязательно ». По нашему убеждению, обнародование архивов репрессивных органов необходимо не ради торжества абстрактной справедливости (которая субъективна) или осуждения сталинских « палачей и стукачей » (коих уже нет в живых), но, в первую очередь, для проработки исторических травм, без чего невозможно принятие прошлого. Рубинчик « латает » историческую ткань XX века, вводя в научный оборот литературные и культурные факты и предлагая новые контексты восприятия поэтических произведений.

Наконец, технически принцип *всех поименно назвать* воплощен в указателе, который « содержит имена и псевдонимы лиц, а также имена библейских, мифологических и литературных персонажей » [631], причем вымышленные антропонимы никак не выделены в общем списке. Включение в индекс литературных персонажей — даже безымянной героини ахматовского *Пролога* X (Икс) — кажется неочевидным решением. В то же время, перечень реальных лиц возможно уточнить : « доктор медицины Гизе » [357] — невропатолог Эрнест Августович Гизе ; « приват-доцент Грибовский, пр.-доц. Григорьев » [371] — юрист и писатель Вячеслав Михайлович Грибовский и, вероятно, историк Владимир Александрович Григорьев ; Ирина, сестра Сергея Рудакова [213], — Ирина Борисовна Вагинова ; президент Академии наук УзССР [235] — Ташмухамед Ниязович Кары-Ниязов, его жена [233] — Айша Уразаева ; « братья Покрасс » [514] — Даниил Яковлевич и Дмитрий Яковлевич Покрассы ;

« Саракини » [96] — Василий Сорокини ; « Саши (“две Саши”) » [650] из текста Е. Витковского — внесенная в перечень имен Александра Васильевна Савельева и отсутствующая в нем Александра Петровна Рябинина ; Светлана Сталина [494] больше известна не как « Сталина С. И. », а как Аллилуева.

Сборник статей Ольги Рубинчик уже привлек внимание исследователей биографии и творчества Анны Ахматовой. Но и стандартная формулировка « Книга интересна как специалистам по истории русской литературы, так и широкому кругу читателей » не кажется нам преувеличением.

Библиография

- Ахматова Анна, 2009, « Я не такой тебя когда-то знала... », Анна Ахматова, *Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто : материалы к творческой истории*. Издание подготовила Н. И. Крайнева, Санкт-Петербург, Мирь.
- Копылов Л. Ю. (ред.), 2004, *В ста зеркалах, Анна Ахматова в портретах современников = In a Hundred Mirrors. Anna Akhmatova as Portrayed by Her Contemporaries*. Предисл. Н. И. Поповой, вступит. ст. О. Е. Рубинчик, коммент. Э. Б. Коробовой, Т. С. Поздняковой, О. Е. Рубинчик, Москва, МТН клуб.
- Гаспаров Михаил, 1997, « Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова », М. Л. Гаспаров, *Избранные труды*. Т. II, Москва, Языки русской культуры, с. 21-32.
- Рубинчик О. Е. (сост.), 2001, *Анна Ахматова : последние годы*. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова, Санкт-Петербург, Невский диалект.
- Рубинчик О. Е., 2010, « Если бы я была живописцем... » : *Изобразительное искусство в творческой мастерской Анны Ахматовой*, Санкт-Петербург, Серебряный век.
- Рубинчик О. Е., 2018, *Анна Ахматова и ее время*. Избранные работы, Москва, Азбуковник.
- « Скрижали. Сборник 1-й, Петроград, 1918 г. », 1918, *Сирена*, № 1, 30 декабря, ст. 70.
- Тименчик Роман, 2010, «Около акмеизма», *Vadetesit* : К 65-летию Лазаря Флейшмана. Сост. и ред. А. Устинова, Москва, Водолей, с. 168-196.
- Тименчик Р., 2014-2015, *Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы*. Изд. 2-е, исправ. и расширенное, Иерусалим, Гешарим, Москва, Мосты культуры.
- Тименчик Р., 2017, *Подземные классики : Иннокентий Анненский, Николай Гумилев*, Москва, Мосты культуры, Иерусалим, Гешарим.
- Томашевская З. Б., 2000, *Петербург Ахматовой : семейные хроники*. Сост. Н. И. Поповой, О. Е. Рубинчик, Санкт-Петербург, Невский диалект.
- Чуковская Лидия, 1997, *Записки об Анне Ахматовой*, Москва, Согласие.

